

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ

ГЛАЗАМИ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА. РАССКАЗЫ

© 2003

О.И. Грабарь

В своих воспоминаниях Герой Советского Союза, генерал-полковник А.М. Андреев, бывший в 1943 году командиром 102-й Дальневосточной стрелковой дивизии, писал: "Большую работу в те дни выполняли военные переводчицы Ольга Грабарь и Галина Рожкова... Ольга Грабарь участвовала в двух поисках разведчиков 40-го стрелкового Амурского полка по захвату "языков", была ранена. Сейчас мужественная фронтовичка живет в Москве, работает в Институте молекулярной биологии Академии наук СССР. Ольга Игоревна – доктор биологических наук"¹.

Ольга Игоревна Грабарь (Епифанова) добровольно ушла на фронт с третьего курса университета. Ее очерк и рассказы – дань памяти военным годам. Публикация приурочена к 60-летию битвы на Курской дуге.

На войне я была переводчицей. В феврале 1943 года сразу оказалась под Курском, во взводе пешей разведки 40-го Амурского полка 102-й стрелковой дивизии. После прорыва на Курской дуге меня перевели в 19-й стрелковый корпус, с которым мы и двигались на запад, до самого Балтийского моря. День Победы застал наш корпус в Риге.

Когда закончилась война, я сдала в военный архив толстую тетрадь, две с половиной тысячи протоколов допросов военнопленных – от полевых "языков", взятых прямо в окопах, до генералов, командовавших отборными дивизиями. Я хорошо узнала немцев, манеру их поведения, привычки, но тогда это хотелось поскорее забыть.

Прошли годы, наступила пора воспоминаний. Память, наша ненадежная помощница, стала выстраивать события в удобном для нас порядке, воспоминания приобрели удивительное разнообразие, и все герои сделали на одно лицо.

Между тем, на войне, как нигде, проявлялся человеческий характер, шла своя повседневная жизнь с ее буднями и неожиданными радостями. В то же время было и грандиозное противостояние двух народов, на фоне которого особенно выпукло обнаруживались типические черты, присущие участникам каждой из воюющих сторон.

Сведения о противнике в условиях такой долговременной обороны, которая установилась на Курской дуге, собирались буквально по каплям. Захват "языков" требовал длительной подготовки и был сопряжен с неизбежными потерями. Поэтому, рискуя жизнью, разведчики выползали по ночам на нейтральную полосу и снимали с убитых немцев полевые сумки, где помимо удостоверения личности почти всегда можно было найти неотправленные письма и дневники. Ближние рейды в тыл противника позволяли уточнять получаемые сведения.

* * *
Заставить нашего солдата написать письмо домой на переднем крае было практически невозможно. Все куски бумаги шли под табак.

Немцы, напротив, обожали писать письма, невзирая на запрет. Они сочиняли длинные послания своим близким, особенно родителям. Их письма отличались обстоятельностью и трогательной сентиментальностью, что не мешало им постоянно жаловаться на бытовые неудобства. Неотправленные письма нередко содержали важные сведения о передвижении частей противника.

Но самым бесценным документом служили личные дневники. Редко какой немецкий солдат не вел на фронте дневник. Потребность фиксировать все происходящее не зависела ни от образования, ни от места действия. Записи велись по пути следования на фронт, в полевых условиях, на самом переднем крае, во время отступления – где угодно. Они не пестрели разнообразием, но вместе с тем отличались необычайной точностью, будь то перемещение и пополнение части, огневой налет русских, настроение среди солдат или предстоящий отпуск, полагающийся в Германии каждому фронтовику.

Иногда дневниковые записи перекликались с текстом неотправленных писем. В них звучало беспокойство о здоровье родных, ожидание писем или посылки из дома.

Общее настроение среди немецких солдат в период обороны на Курской дуге было скорее подавленным, а во время самой битвы и последующего отступления просто паническим. После Сталинграда они уже не верили в победу.

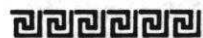
Отрывки из дневника Иоганна Райсдорфа, гренадера, убитого в августе 1943 года, после прорыва на Курской дуге

Июль

- 5.7. Россия начала большое наступление южнее Орла.
- 10–14.7. Введен арест за написание писем родным, несмотря на строгое запрещение.
- 26.7. Мы получили оружие и по 55 патронов на человека. Сегодня вечером – отъезд в Россию.
- 27.7. В 8 ч. вечера прибываем в Волковиск (граница с Россией).
- 28.7. Отъезд в Минск. Воздушная тревога.
- 29.7. Полдня стоим на вокзале в Орше – была бомбардировка.

О. Грабарь
Глазами военного
переводчика

¹ Андреев А.М. От первого мгновения – до последнего. М., 1984. С. 85.

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

30.7. Задержались в 50 км от Брянска, так как трое партизан заминировали железнодорожные пути. Теперь партизаны висят на телеграфных столбах.

31.7. Мы уже в Брянске. Вчера в Орле был Адольф Гитлер. Он приказал: "Держать, держать и еще раз держать!"

Брянский вокзал битком набит военными. Прямо рядом с нами выгружают раненых: один без ног, другой с простреленной головой, третий с простреленным животом и т.д. Страшно смотреть на это и думать, что через два-три дня мы тоже будем там.

Август

1.8. Наконец мы на месте. Это маленький вокзал, 150 км южнее Орла. Мы находимся на расстоянии 10 км от линии фронта. Стоит страшная жара. Комары скоро совсем съедят нас. Сегодня предстоит марш в 55 км на позиции. В воздухе непрерывно кружат вражеские самолеты.

2.8. Ночь прошла в болотистом лесу. В 5 ч. утра держал речь генерал. Спрашивал о настроении эльзасцев. Они все выступили против нацистов.

3.8. Сегодня разверзся ад. Стреляют зенитки, воздух наводнен авиацией, активно работает артиллерия.

Приказ: немедленно выступить – противник прорвался. Поход через болота и леса к передней линии фронта. Занимаем небольшую деревню под непрерывным огнем. Получаем новый приказ: немедленно отступать. Отходим под огнем вражеской артиллерии и авиации.

Ночуем в конюшне, но ночь еще не кончилась. Над нами снова самолеты и ракеты. Убит лейтенант.

4.8. Отступление под обстрелом тяжелой артиллерии и бомбардировщиков. Сейчас 13.00. отошли на 20 км. Сначала нас обстрелял миномет. Почти все его выстрелы попадают в цель. Теперь над нами снова самолеты, они сбрасывают бомбы на бреющих полетах. Противник безукоризненно ведет войну, господствует на земле и в воздухе и численно нас превосходит.

Вчера я писал, закопавшись в землю, в шлеме, так как бомбы сыплются, как дождь.

В штабе
19-го стрелкового
корпуса. 1945

6.8. Страшный день – русские прорвались. Бегство под нечеловеческим огнем русской артиллерии. Через болото глубиной в полметра, два дня без сна и без еды, шли мы все дальше и дальше.

9.8. Снова отход на другой участок. Наш батальон насчитывает теперь 32 человека, в ротах – меньше десяти. Наша авиация вот уже несколько дней вообще не показывается, а русская строчит, как пулемет.

10.8. Назад, назад. Мы уже четыре дня спим на земле. Подобных болот я не только не видел, но не представлял себе, что они существуют.

11.8. Наше отступление называют "планомерным". Мы двигаемся, как в аду, вокруг все освещено пылающими деревьями, обложено минами, мосты взорваны. Ноги у меня уже давно стерты до крови.

16.8. Наконец мы окопались и получили задание: привести пленных.

Проползли 800 м по клеверному полю и услышали шепот русских.

Тут же повернули назад, без пленных. К тому же потеряли связь со своими.

17.8. С утра в действии тяжелая артиллерия. В один миг над нами появляется масса бомбардировщиков. О наших самолетах уже две недели ни слуху, ни духу. Земля дрожит от падающих бомб. Идет дождь, ни зги не видно. Из боевого охранения возвращается один раненый, второго солдата нет. Около заграждения кто-то лежит. Мы втроем – лейтенант, солдат и я подползаем. На месте лишь одна палатка.

После двухчасового наступления русские отходят назад.

19.8. Я стою на посту. Наша тяжелая артиллерия бьет по русским, которые лежат в трех пулеметных гнездах. С криком "Ура!" мы идем на гнезда, чтобы очистить их. Мы доползаем до второй проволоки, но русские уже занимают другую сторону. Уползаем назад ни с чем.

21.8. Примерно в 150 м от нас лежит русский в пулеметной точке и обстреливает нас каждую ночь. Всеми средствами, даже противотанковыми

О.И. Грабарь. 1944

УДОСТОВЕРЕНИЕ
тов. Епифановой Ольге
Игоревне

вручен знак

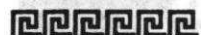
«ВETERАН 102-й С. Д.»

Председатель Совета
ветеранов дивизии Ге-
рой Советского Союза
Генерал-полковник

А. М. Андреев

Удостоверение
и значок ветерана
102-й стрелковой
дивизии,
врученные
О.И. Епифановой
(Грабарь)
в честь 30-летия
Победы

орудиями, мы пытались его выбить, но он удивительно цепок, не вылезает из своей дыры и продолжает стрелять. Да, он не такой солдат, как мы.

Около 11 ч. ночи мы должны были произвести вылазку с целью захвата пленных. Добрались до второй проволоки и снова вынуждены были повернуть назад, так как Иван уже ждал нас там. Этот случай показывает, что представляют собой наши "вояки на словах", которые воюют так уже 4 года.

(На этом дневник обрывается)

Отрывки из дневника ефрейтора Антона Щеце (7 рота, 596 пехотный полк, 327 пехотная дивизия), убитого в сентябре 1943 года, после прорыва на Курской дуге.

Обнаружен на огородах западной окраины села Комань, южнее г. Новгород-Северский 12.09.43.

Май

17.5. В этой деревне можно найти все, и я не могу поверить, что люди здесь жили так плохо, как нам об этом рассказывают, будто они даже едят собственных детей. Я нашел в домах мешки, полные гороха, чечевицы и ржи, а погреба были полны картофеля.

21.5. К нам перебежал русский и рассказал, что дела их идут очень плохо. Они получают только по 20 патронов ежедневно, и им ничего не дают есть. И вообще на той стороне очень мало боеприпасов.

Ночью нами была произведена разведка, и мы получили такую порцию огня из всех видов оружия, какой я не помню. И 20 патронов расходовались русскими очень долго. Я понял, что все, сказанное перебежчиком, было чистейшим вымыслом. Немногие из нашего отделения вернулись назад.

4.6. В 4 ч. утра противник впервые стрелял из "сталинского органа"². Это лучшее и опаснейшее для нас оружие. Когда находишься под его огнем, ты на один шаг от смерти, и только счастливый случай помогает остаться невредимым.

1.7. Слушал русский громкоговоритель. Когда звучит музыка из старого доброго времени, думаешь, на самом ли деле идет война. Но потом снова начинается стрельба и повторяется старая песня: война и смерть.

26–27.8. В 7 ч. утра русские начали наступление на широком фронте. За один час они прорвали все укрепления и оказались перед нами. Начался тяжелый бой. Мы удерживали позиции до полудня и понесли большие потери, после чего вынуждены были отступить через пылающую деревню.

Когда мы отошли на высоту, уже стемнело. Рано утром русские снова начали наступление. Я сразу понял, что мы не сможем его сдержать. Русские подходили все ближе и ближе, их поддерживали тяжелые орудия. Вот они подошли на 100 м, но мы не смели отойти назад. Наконец, они приблизились уже на 10 м, и я мысленно расстался с жизнью.

Но все-таки я решил испытать последнее средство: сделал два прыжка, однако сразу же попал под огонь, снова упал, прополз несколько метров и опять вскочил. И так я продолжал делать дальше, пока не пробился к своим.

Не знаю, почему на мою долю выпало такое счастье: я уцелел лишь один из всего взвода, успев заметить, что многие попали в плен. Сам я никогда не забуду это число – 27 августа, и, если мне посчастливится вернуться домой здоровым, буду праздновать этот день.

После двух дней тяжелых боев полк оказался по численности не больше роты.

28.8. На мой взгляд, война скоро должна закончиться, так как русских удерживать невозможно. У нас все идет кувырком, отступление беспорядочно. Я уже четыре дня ничего не ел, но голод почувствовал только

теперь, когда мы отошли на 35 км и перемещаемся на машинах.

29.8. Днем мы прибыли в г. Шостка. Это первый город, который я увидел в России. Здесь не было заметно, что за несколько километров отсюда люди истекают кровью. Я почти вообразил себя в Германии. Здесь была нормальная жизнь, люди так же одевались, солдаты ходили гулять.

Но спустя два часа в городе поднялась тревога. В течение последующих двух дней все взлетело на воздух, все продовольственные и хозяйственные склады.

6.9. Теперь я в Новгороде³, где мы должны обеспечить задержку наступления русских. Здесь это немного легче, так как нас разделяет река Десна. Но я не думаю, что мы сможем удержать русских, для них и река не будет препятствием. По-моему, они через несколько дней переправятся.

7.9. За несколько дней, с 26.8 по 6.9, противник отогнал нас на 150 км и уничтожил почти всю технику.

Я уже две недели не получаю писем и сам также не могу писать, так как почта не действует. Дома будут очень беспокоиться, не получая от меня известий. Две посылки для меня тоже находятся в дороге, но я уже наверняка их не получу. Жаль только, что дома они должны отказать себе в последнем куске, а здесь все это пропадает.

(На этом дневник обрывается)

* * *

Никакие сведения, почерпнутые из неотправленных немецких писем и дневников, не шли в сравнение с тем, что можно было узнать от самих военнопленных.

Первое время в 1943 году под протоколы допросов использовалась любая бумага, бывшая под рукой. Порой это были совсем короткие записи на письмах-секретках или бумажках для мажорочных закруток. "Языки", взятые на переднем крае обороны прямо в окопе, мало что знали об общих планах своего соединения, и их показания ограничивались данными о расположении огневых точек, минных полей и штабов, что само по себе представляло немалую ценность.

Во время наступления, когда немцы стали сдаваться в плен целыми группами, а запасы бумаги начали пополняться за счет трофейных складов, пришлось сочинить нечто вроде блиц-анкеты из 10–12 несложных вопросов и, размножив ее под копирку, раздавать основной массе пленных, а для допроса отбирать одного-двух человек.

Разведчики

³ Новгород-Северский.

² "Катюша".

Тут возникла загвоздка. По какому принципу производить отбор? Старший по званию, к сожалению, далеко не всегда старший по уму. Кроме того, он может уклоняться от прямых ответов. Насилие и угрозы при проведении допросов категорически исключались, прежде всего по моральным соображениям. Кроме того, запуганный человек наплетет что угодно, лишь бы от него отвязались.

Пленного нужно было разговорить.

Для выявления наиболее грамотных и сообразительных пленников на основании приобретенного опыта были придуманы своеобразные “контрольные” вопросы.

Одним из таких вопросов было, как ни странно, написание имени Гёте.

В то время низшим образовательным цензом в Германии служила восьмилетка – фольксшULE. Кадровые солдаты и унтер-офицеры, составлявшие основной костяк армии, легко и, как правило, без ошибок заполняли те пункты анкеты, где предлагалось сообщить о дислокации части, численности подразделений, командном составе, соседях с флангов и т.п. Поражала аккуратность и тщательность, с которой записывались данные: точность в цифровых подсчетах, само расположение материала – непрерывные поля сверху, снизу, справа и слева от текста. Однако если требуемые сведения носили более общий характер – взаимодействии родов войск, состав пополнения, настроение в частях – пленные тушевались и путались в ответах.

Однажды на вопрос, был ли он пойман или сдался в плен добровольно, один солдат написал, видимо с перепугу, “добровольно пойман”. Это выражение стало у нас в корпусе крылатым.

К немалому удивлению, они, за редким исключением, очень слабо знали классическую немецкую литературу и музыку, о “Фаусте” имели лишь отдаленное представление, и написание имени Гёте (Goethe) почти всегда служило камнем преткновения. Правильный ответ свидетельствовал о хорошем домашнем или гимназическом образовании.

Другой каверзный вопрос, на котором спотыкалось большинство пленников, – точное перечисление военных должностей, занимаемых Гитлером: верховный главнокомандующий, командующий военно-морскими и воздушными силами Германии. По-немецки, при быстром перечислении это звучало как трудно произносимая скороговорка: “Обербефейльсхабер дес хеерес унд бефейльсхабер дер кригсмарине унд дер люфтваффе”. Мало кто из пленников мог произнести эти слова в нужном порядке и без запинки. Как ни удивительно, именно тот, кто успешно проходил подобный тест, давал наиболее внятные и точные показания.

Попадались и просто сообразительные люди, чаще среди австрийцев, которые ловко уходили от прямого ответа и заменяли его каким-нибудь анекдотом или шуткой. “Вы спрашиваете, кто такой Гитлер? Как кто – ефрейтор!” Действительно, несмотря на два железных креста, полученных в первую мировую войну, Гитлер дослужился только до этого звания. А другой пленный, тоже из австрийцев, во время допроса, неожиданно подмигнув, произ-

нес: “Фройляйн офицер, вообще-то говоря, что у меня общего с этим Гитлером и его кликой?”

Пленных этой категории мы называли “швейками”. Швейк – сообразительный малый, наделенный чувством юмора, который хочет выжить и охотно рассказывает все, что знает. Такие пленные были бесценным кладом информации.

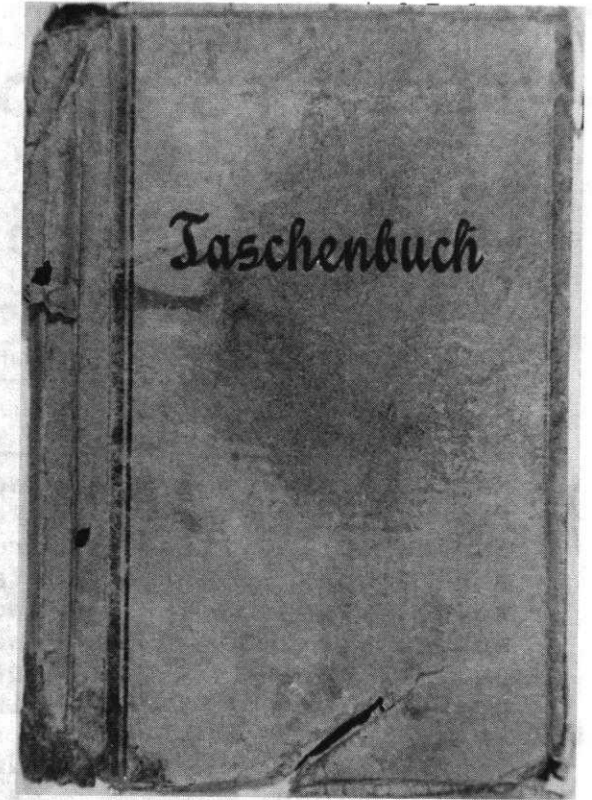
Другую группу пленников составляли так называемые “аристократы”. Аристократ – это образованный и волевой человек. Он верен присяге, но понимает безвыходность своего положения. С таким человеком нужно было разговаривать с позиции разумного убеждения. Прежде всего доказать, что разглашение сведений, которыми он располагает, уже ничего не может изменить в ходе войны. Но главный аргумент заключался в том, что для пленного война фактически закончена, и, следовательно, он остался жив, в то время как все, продолжающие воевать, в том числе и мы, русские, могут погибнуть в любую минуту. Были и другие доводы, но этот, как ни странно, оказывался самым действенным, причем среди военных любого ранга.

Со временем стало окончательно ясно отсутствие различий в психологии военнопленных в зависимости от занимаемой должности. Среднячков, швейков и аристократов можно было встретить и среди генералитета. Один пленный генерал привлек к себе внимание тем, что был обут в башмаки вместо сапог. Выяснилось, что расторопный генерал успел срезать с сапог краги и быстро обменять их на табак и консервы.

Как-то раз группу переводчиков вызвали в штаб армии, располагавшийся в разрушенном Минске, для допроса особо важных военачальников, командовавших крупными соединениями, попавшими в окружение. Генералов предполагалось срочно эвакуировать в тыл, и главная цель допроса состояла в выяснении дальнейших намерений немецкого командования.

Предстояло допросить пятерых пленников: трех генералов, полковника и майора, принявшего на себя командование дивизией после гибели генерала.

Едва ли не единственным уцелевшим зданием в Минске была одна из средних школ. Туда и доставили пленников, и, зная немецкую пунктуальность, снабдили достаточным количеством трофейной бумаги, карандашами, а также заново составленным расширенным вопросником.

Солдатская записная книжка

TSCHTO ETO TAKÓJE?

deutsch: was ist das?

Unsere Soldaten können Alles,

sie sprechen auch sofort etwas Russisch!

Wichtig! Die Betonung ist unbedingt auf die Silben mit dem Zeichen zu legen

Notwendige Worte.

Halt !...sstoi !	wer da....kto tamm
Freund...prijátelj	Feind....njáprijátelj
Hände hoch !.....	ruki wwerch !
was ist das ?.....	tschtó éto takóje ?
wo.....gdjá	wohin....kudá
woher....otkúda	warum....potschemú
ja.....da	nein.....njät
auf.....na	in.....w
links.....l jáwyi	rechts....práwyi
ich.....ja	du.....ty
er.....onn	sie.....oná
wir.....my	essen.....jestj
schlafen.spátj	trinken...pitj
schlecht.njácharoscho	gut.....ohárascho
süß.....ssládko	salzig....ssóljno
sauer....kisslo	bitter...górkjo
gross....boljshói	klein....máljenki
weit....daljoko	nah.....blißsko
vorwärts.wperjód	zurück...nasát
wieviel.kostet.....	sskóljko sstóit
schön....krassiwyi	hässlich..njákrassiwyi
Farben...kráski	rot.....krássnyi
grün....seljónyi	blau.....golubói
schwarz..tschórnyi	grau.....ssjáryi
Pinself...kistj	kl.Pinself.kistotschka
dahin....tudá	Dummkopf..durák
Schuft...sswólotsch	Teufel....tschort
Gott....bog	Engel....ángel
Heilige..sswjatói	Pfarrer...sswjáschts
	chénnik

Apfel jábłoki
Birnen. grúshi
Pflaumen. slíwy
Kirschen. wíschnji
Erdbeeren semljaníka
Heidelbeeren. tscherníka
Himbeeren malína
Stachelbeeren kryschník
rote Johannisbeeren krássnaja ssmoródina
schwarze Johannisbeere tschérnaja ssmoródina
Braten scharkóje
braten scháritj
Butter másslo
Fett schir
kochen wáritj
Kotelette. kotlétka
Leber petschónka
Nieren pótshki
Bratkartoffeln schárennaja
	kartófelj
gebratene Eier jáitschniza
gekochtes Ei jajtschniza

Kohlsuppe serviert mit saurer Sahne
heißt: schtschi
Suppe, welche aus roten Rüben gemacht und
ebenfalls mit saurer Sahne serviert wird
heißt: bórschtsch
Buchweizengrütze káscha
wird als Zulage zur Kohlsuppe gegessen

Noch einige kurze Sätze

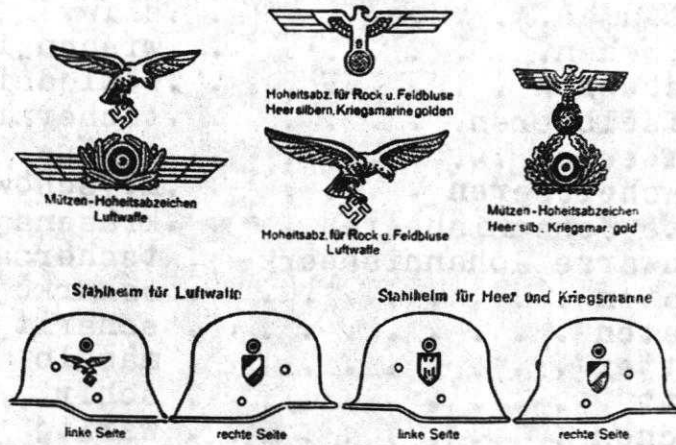
ich will essen	ja chotschú jéstj
ich will trinken	ja chotschú pítj
ich will schlafen.	ja chotschú sspátj
ich will liegen	ja chotschú ljáschátj
ich will sitzen	ja chotschú ssidjátj
ich will arbeiten	ja chotschú rabótatj
ich will in den Abort	ja chotschú w núschnik

Druck von J. Mann, Stuttgart - Bad Cannstatt. — Nachdruck verboten.

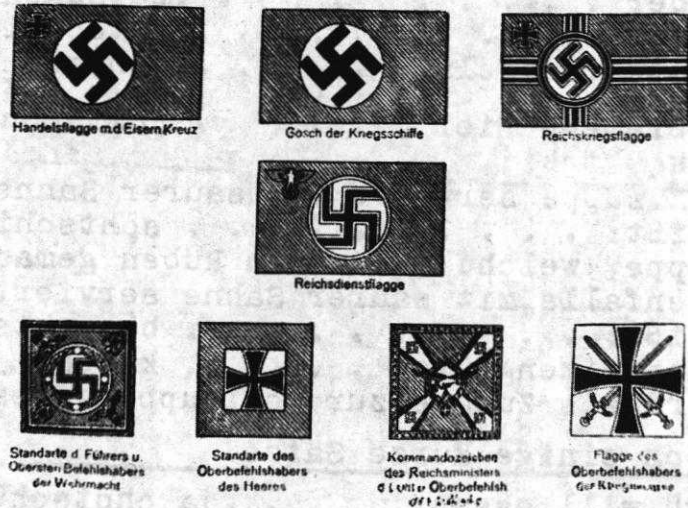
Autor des Wörterheftchens Georg Knupfer, Dolmetscher, Übersetzer für das Oberkommando
des Heeres, Berlin-Zehlendorf, Am Lappjagen 6

Bei der redaktionellen Zusammenstellung wirkte mit: A. Mann, früherer Dolmetscher an der
Kaiserlich Russischen Gesandtschaft Stuttgart

Hoheitsabzeichen der Wehrmacht

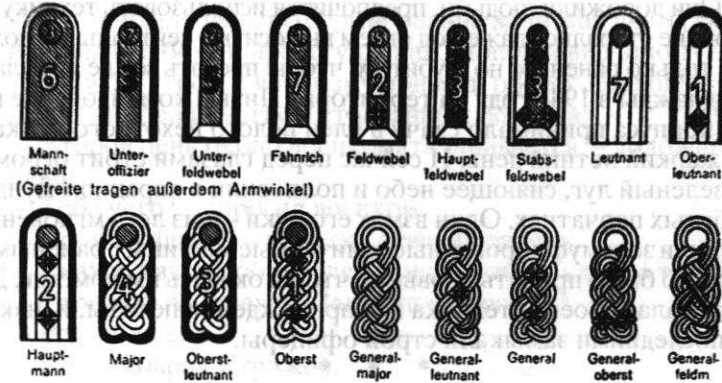
Flaggen

– У вас час времени. Все понятно?
– Я воуль, – дружно ответили пленные.
Только один из них, помоложе, вдруг поднял вверх руку, совсем как в школе.
– Разрешите задать вопрос?
– Говорите.
– Нам нужны ластики, – умоляюще произнес он.
Это был типичный середнячок.
Когда пленных разводили по отдельным классам, было заметно, что майор слегка пошатывается. На правой руке под рукавом у него оказалась рана, видимо, задело кость. Майор был очень бледен, на лице проступал пот. У него был орлиный нос и

Dienstgradabzeichen des Heeres

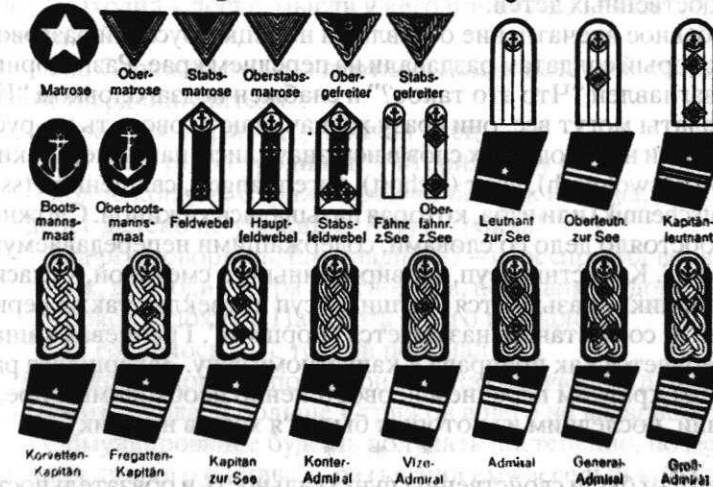
R. K. M. karmesjarot, Kav. gelb, Inf. weiß, Art. rot, Pion. schwarz, Jäger grün, Nachr. zitrongelb, Panzer hellrot

Kragenspiegel

Dienstgradabzeichen der Kriegsmarine

прямо посаженная голова. От допроса он не уклонился, сказав, что писать не может, но должен отвечать за все, что сделали немцы в России. Пришлось вызвать медсестру, которая на протяжении всего разговора обрабатывала майору раненую руку перекистью водорода, однако тот не издал ни звука, только иногда болезненно морщился.

– Моя фамилия фон Зальдерн, – с какой-то подчеркнутой гордостью сказал он. Позже стало известно, что отец майора принимал участие в знаменитом покушении на Гитлера, закончившемся провалом. Это был настоящий аристократ.

* * *

Справедливости ради следует сказать, что немецкие командиры проявляли большую заботу о своих подчиненных, не бросая их бездумно в атаку для выравнивания линии фронта или затыкания брешей. Они дорожили людьми, предпочитая использовать технику. В обороне старались даже под огнем выносить с нейтральной полосы не только раненых, но и убитых, чтобы предать земле их тела.

Однажды в 1944 году на территории Литвы командование нашего корпуса принимало сдачу в плен целого пехотного полка. Был жаркий летний день. И сейчас перед глазами стоит огромный зеленый луг, сияющее небо и полковник в парадном мундире и белых перчатках. Один взмах его руки – и из леса мгновенно вырулили закамуфлированные санитарные машины с ранеными. Их нужно было принять первыми, чтобы оказать им помощь. Далее двигалась боевая техника в сопровождении пехоты, и, наконец, последними замыкали строй офицеры.

* * *

Если наши листовки 1943 года, обращенные к немцам с призывами сдаться, оставляли, мягко говоря, желать лучшего и практически не достигали цели, то текст немецких листовок был просто абсурдным и ничего, кроме смеха, у наших солдат не вызывал. Русские представляли там, как изверги и дикари, поедающие собственных детей.

Забавное впечатление оставлял и немецко-русский разговорник, который солдатам раздавали на переднем крае. Разговорник был озаглавлен “Что это такое?” и снабжен подзаголовком “Наши солдаты могут все, они сразу же начинают говорить по-русски”. Среди необходимых слов в нем значились, например, такие: сволочь (sswolotsch), черт (tschort), ангел (angel), священник (ss-wjäschtschennik) или изба, которая называлась хижинкой. Сложнее всего обстояло дело со словами, содержащими непередаваемую букву “щ”. Капустный суп, сервированный со сметаной, – гласил разговорник, – называется “штши”, а суп из свеклы, также сервированный со сметаной, называется “борштш”. Гречневая каша употребляется как приправа к капустному супу. Завершался разговорник кратким перечнем первоначально необходимых предложений, последним из которых было “я хочу в нушник”.

* * *

Немцам были свойственны пунктуальность и обязательность. Они неукоснительно следовали инструкциям даже в ущерб военным действиям, проявляя полную неспособность к импровизации.

Могли тратить уйму времени на починку ветхого мостка через обмелевшую речку вместо того, чтобы его объехать. Издавали нелепые приказы об аресте своих солдат за мелкие проступки во время массового отступления, создавая проволочки и способствуя тем самым окружению части, и т.п.

Железная немецкая организация и порядок стали постепенно приводить к пробуксовыванию военной машины, не будучи в состоянии ее переделать или изменить сообразно новым условиям.

Непонимание психологии и характера противника только усугубляло этот процесс. Оно несомненно внесло свой вклад в исход войны.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

В конце лета сорок первого года в маленький провинциальный городок прибыла на переформирование воинская часть, сильно потрепанная в боях при отступлении. Пополнение шло туго.

Однажды утром к военкомку привели рослого малюга в поношенной байковой куртке и стоптанных ботинках.

– Второй день около военкомата ошивается, – доложил дежурный.

– Тебе чего? – спросил военком.

– Хочу на фронт, – коротко ответил парень.

– Скажи, какой доброволец выискался. Да кто ты такой?

– Стрижов Александр. Закончил семилетку.

– Родители есть?

– Нет, – соврал Стрижов.

– А лет тебе сколько?

– Шестнадцать.

На самом деле Стрижову шел пятнадцатый год, и закончить семилетку он не успел, потому что его отчислили за неуспеваемость. Не то, чтобы он был от природы непонятлив или ленив, но когда выходил к доске, мысли у него почему-то не складывались в слова.

– Ты, Стрижов, только портишь нам показатели по школе, – хором твердили учителя.

– Двоечник, дармоед! – кричал отец.

– И в кого такой уродился? – вторила ему мать.

В конце концов, Стрижов решил бежать из дома, да только без денег далеко не убежишь. А тут – война!

– Значит, говоришь, шестнадцать? – переспросил военком. –

Ну, что ж, приходи завтра с паспортом, поставим на довольствие.

Стрижов вздохнул. Паспорта у него не было.

“Все, сорвалось”, – с тоской подумал он.

Однако паспорт не понадобился. На следующий день часть снялась из города, и больше Стрижов в него не возвращался.

– Обмундирование будешь получать постепенно, по мере выживания личного состава, – разъяснил ему веселый конопатый старшина Пнухин. – Все равно твоего роста нет. А сапоги хоть сейчас могу выписать, сорок шестого размера, целые. Погоди хватать-то, справку оформим.

С этими словами Пнухин полез в дорожный сейф, достал огромную круглую печать и на чистом листе бумаги лихо вывел чернильным карандашом под копирку:

Справка на одну пару сапог

Выдана настоящая рядовому Стрижову в том, что ее выдано...

Здесь Пнухин на секунду задумался, зачеркнул “ее” и написал “его”, потом заменил “его” на “их” и для ясности приписал:

одна пара сапог кирзовых.

Текста оказалось маловато, всего одна фраза. Пнухин поставил точку и с красной строки добавил:

Что и удостоверяю. За начальника хозотдела в/ч Пнухин И.М.

Остальную часть листа заняла фантастическая подпись Пнухина, похожая на вписанный в окружность параллелепипед. Бумага получилась хорошая.

– Ну вот, в таком роде, – удовлетворенно произнес Пнухин, шлепнув печатью. – Забирай себе первый экземпляр, будешь им пользоваться как документом, временно. Сойдет, пока формируемся, а на войне бумага не нужна. Война – она сама все спишет. А вообще-то жизнь не верблюд, к вечеру повезет. Понял?

Слова вылетали из Пнухина с необычайной легкостью, как горох из прорванного пакета, хотя смысл их Стрижову не вполне был ясен. От этого всего у него даже дух захватило. Подумать только – еда, сапоги бесплатные, да еще и бумага с печатью. На Пнухина он смотрел с нескрываемым восхищением. Оценивший это Пнухин великодушно заметил:

– Если что – заходи. Главное – не теряйся.

Стрижов сложил справку вчетверо и убрал ее во внутренний карман куртки. Там же хранился листок с сочинением на тему “Капитанская дочка” Пушкина. Стрижов берег его как память об учительнице литературы Клавдии Петровне, которая, одна среди всех учителей, не считала его безнадежным и всегда старалась помочь.

– Стрижов неглупый мальчик, просто ему нужно быть повнимательнее, – любила повторять она. – Ну, пожалуйста, Стрижов, – обратилась она к нему однажды, – постарайся написать домашнее сочинение на тройку.

Стрижову никто никогда не говорил “пожалуйста”. Он пришел домой, открыл учебник, но запомнить ничего не смог. Тогда он вырвал из общей тетради листок в клетку и написал по памяти:

“Стрижов, 7А. Капитанская дочка. Домашнее задание.

Гринев был из семьи, в которой он жил. Его звали Петр Андреевич. Он любил Машу Миронову. Когда он приехал в Белогорскую крепость, то он сказал, что у вас сидит Маша Миронова. Пугачев разгневался и сказал, кто посмел обидеть ее Швабрин. И они пошли туда, где сидела Маша Миронова”.

Клавдия Петровна вздохнула, покачала головой и поставила 3-, а внизу приписала: “Стрижов, пожалуйста, будь повнимательнее”.

Этот листок был единственным напоминанием Стрижову о прошлой жизни.

* * *

Перед отправкой на фронт Пнухин надавал Стрижову кучу ценных советов:

– Первое дело – не попасть на передовую, – говорил Пнухин. – Я там был, а теперь, видишь, в АХЧ, потому что имею способности. Ну, а уж если попал, рот не разевай – снайпер тут же сымет. В атаке ори, беги вместе со всеми, а потом вдруг спотк-

нись, – полежал, огляделся и назад побежал, как будто сдуру. В обороне старайся на глаза не попадаться. Начальник, он как? Увидел – ткнул: вот вы двое, ты и ты, понесете сводку в штаб, а заодно и обед комбату. Или покойника закапывать пошлют, мало ли чего придумают. Так вот ты, Стрижов, на это не попадайся. Солдат с умом – он всегда на месте, а в данный момент его под рукой как будто и нет. Одним словом, не теряйся, – подытожил Пнухин.

Стрижов не только не потерялся, а, напротив, расцвел в армии. Отличался он необычайной выносливостью, спал мало и брался за любую работу. Теперь он всегда был кому-то нужен. Беспокоило его только отсутствие документов. “Не волнуйся, Стрижов, – утешали его солдаты. – Вот ранят, попадешь в госпиталь, сразу удостоверение дадут”.

Но в госпитале побывать все еще не довелось. Формирование – бой – потери – переформирование – резерв – снова бой. И пока ни одной царапины.

Вот и сегодня Стрижов в компании с ефрейтором направлялся в расположение полка, занимавшего оборону на Курской дуге, для пополнения личного состава. Однако ефрейтор надумал вернуть по дороге в медсанбат, проверить большой зуб. “Пойду один, хоть и не положено, – решил Стрижов, взглянув на карту. – Тут до штаба лесочком рукой подать”. Он оставил карту ефрейтору и двинулся напрямик через лощинки, ложбинки, овражки.

“Красота какая, – размечтался Стрижов. – Из траншеи такого в жизни не увидишь. – Почему-то вспомнился Пнухин. – Где он теперь? Все, небось, сапоги выдает, – весело подумал Стрижов. – Надо же, а я на ровном месте на сук напоролся”.

Больше он ни о чем подумать не успел. Пуля угодила ему прямо в переносицу, и он упал лицом вниз, в болотце с растаявшим снегом.

* * *

В конце мая в разведзвод принесли размокший картонный бумажник с двумя листками бумаги, на которых едва можно было различить обрывки слов: “Стрижов... Капитан... задание... будь внимат...” А также размытые цифры: 7А и 3–.

– Похоже, шифровка, товарищ лейтенант, – доложил сержант из комендантского взвода. – Обнаружена в кармане убитого на участке третьей роты. Снайпер снял. Погоны без звездочек, документы отсутствуют, видимо, для конспирации. В списках личного состава полка не значится.

– Соображаешь, сержант, – похвалил его помкомвзвода. – Это, как пить дать, зашифрованная инструкция, на другом листке и схема просматривается, – добавил он, вглядываясь в размытую подпись Пнухина. – Значит, направлялся с заданием в тыл противника, но не дошел.

– Наверное, товарищ лейтенант, важная птица была. Может, в дивизию сообщить? – осмелел зардевшийся от похвалы сержант.

– Ты что? – замахал руками помкомвзвода. – С ними мороки не оберешься. Еще пришьют что-нибудь. Хочешь, чтобы нас с тобой в органы затаскали? Нет уж, сами справимся.

* * *

У перелеска под Курском можно увидеть небольшой деревянный столбик, на котором черной краской выведено:

“Здесь лежит капитан Стрижов. Геройски погиб, выполняя особое задание”.

ЧЕЛОВЕК ВОЙНЫ

Капитан Прошкин из дивизионной разведки был выдающимся матерщинником, настоящим виртуозом, к тому же великолепным рассказчиком. Он никогда не бранился и не повышал голоса. Солдат он для порядка матерно журил, но получалось у него это как-то весело, с прибаутками, не обидно.

Внешности он был не очень заметной, роста среднего, худощав, подвижен. Волосы, брови и гимнастерка выгорели у него до одинакового светло-пшеничного цвета, ворот был всегда расстегнут, а пилотка торчала из кармана. Начальство смотрело сквозь пальцы на расхристаный вид Прошкина и многое ему спускало. О его отчаянной храбрости ходили легенды. Очевидцы вспоминали, как на одном конце села прорвались немцы, а на другом конце Прошкин, как ни в чем не бывало, спокойно продолжал пить чай вприкуску, точно рассчитав, когда следует отходить. Все знали, что он выполнит любое задание: поднимет людей в атаку, организует разведку боем, сам пойдет через минные поля в тыл противника – и обязательно вернется невредимым, радостно матерясь.

* * *

Обычно после ежевечерней нахлобучки солдаты закуривали и упрашивали Прошкина что-нибудь рассказать. Сюжетов было немного, но вдохновенная манера, образный язык и неистощимая фантазия рассказчика заставляли слушать его снова и снова.

– Товарищ капитан, а как Вас жена на фронт провожала?

Это была любимая история, которую солдаты слышали десятки раз.

Поломавшись для вида и закурив, Прошкин начинал издали.

– До войны у нас в деревне...

Суть дела заключалась в том, что еще до войны Прошкин был самым многодетным мужиком в деревне и с июня сорок первого года стал регулярно получать отсрочки от призыва. Ему бы

радоваться, да не тут-то было. С каждой следующей отсрочкой все больше постылся дом, все сильнее хотелось на войну. Наконец, Прошкин решил бежать.

Когда рассказ доходил до этого места, начинало нарастать напряжение. Прошкин разузнал, когда мимо деревни проходит очередной эшелон на фронт, запряг на рассвете лошадь и помчался на станцию. Поезд уже был готов к отправлению, и Прошкину удалось вскочить на подножку, но тут он услышал истошные вопли – растрепанная и ревушая мчалась по перрону жена. Рассказ достигал кульминации.

– Думаю, успеет или не успеет! – восклицал в этом месте Прошкин, и каждый раз у солдат замирало сердце. – Вот она все ближе, ближе...

После обязательной паузы Прошкин продолжал тихим голосом, постепенно набирая темп.

– А колесики тук-тук-тук, а она все бежит и орет: “Чтоб ты сдох, ирод, чтоб тебя первый же фриц застрелил!” А колесики тук-тук-тук, а она: “Чтоб ты сдох-сдох-сдох”. А в сердце радость – свободен!

* * *

Война явилась для Прошкина настоящей свободой, он отдавал ей себя целиком. Не сумев полюбить жену и детей, он нежно любил солдат, и они платили ему тем же. Офицерский денежный аттестат Прошкин исправно пересылал домой, ничего не оставляя себе даже на мелкие расходы, но писем никому не писал. Он остался жив, однако после победы его никто никогда не встречал. Как будто с окончанием войны его больше не стало.

ДОГНАТЬ СВОЮ ЧАСТЬ

Как-то раз, придя в Парк культуры на ежегодную встречу ветеранов по случаю дня Победы и прогуливаясь в ожидании однополчан, Кнорин обратил внимание на высокую пожилую женщину, державшую в руках дощечку с цифрами. Женщина чувствовала себя неуверенно, время от времени оглядываясь по сторонам. Впечатление она производила странное. Пряди седых волос перемежались у нее с темными, порыжевшими от краски, и были уложены в давно забытую москвичами прическу – взбитую копну волос с венчиком на макушке, отчего женщина казалась еще более высокой, несмотря на некоторую сутуловатость. Платье из шелковой разноцветной ткани выглядело на ней нелепо, как будто она из него выросла, а на ногах были простые мужские ботинки со шнурками.

Кнорин почувствовал, что эта женщина здесь ни разу не была, может быть, и в Москве впервые. Он никак не мог разглядеть

цифры на дощечке и решил подойти поближе. Увидев его, женщина вскрикнула.

– Товарищ лейтенант!

Кнорин опешил. Он давно уже вышел в отставку полковником и обычно ходил в штатском. Лейтенантом он был на Курской дуге.

– Не узнаете? Я же Люся из медсанбата. У вас в разведзвезде перевязки делала, а вы тогда переводчиком служили. Помните, я Павлюка выхаживала, а потом он из госпиталя убежал, чтобы нашу часть догнать. А вы, товарищ лейтенант, почти не изменились!

Женщина широко улыбнулась, обнажив верхние десны и неровный ряд металлических зубов. И тут Кнорин мгновенно вспомнил и ее, и Павлюка. История была бесхитростная.

– Все равно свою часть догоню, – упрямо повторял Павлюк, прощаясь с ребятами по палате. На другой день его должны были выписать из госпиталя, где он долго залечивал очередное ранение, и отправить в резерв армейского командования.

– Не догонишь – расстреляют как дезертира, – со знанием дела говорили некоторые.

– Тебе что, помирать в своей части веселее? – шутили другие.

– Представь себе, веселее, – отвечал Павлюк. – Так что, бывайте, ребята, мне за ночь далеко нужно уйти.

Стремление непременно вернуться в свою часть проявляли многие, хотя объяснить его толком не могли. Подспудно у людей на войне возникало ощущение пусть временного, ненадежного, но все же своего дома. Что касается Павлюка, причина, побуждавшая его догонять свою часть, заключалась совсем в другом. Его ждала медсестра Люська.

Люська была совсем молоденькая, долговязая голенастая девчонка. Такие девушки на войне успехом не пользовались. Военные предпочитали маленьких, складненьких, удобных. Кирзовые солдатские сапоги доходили Люське только до середины икры, а казенная юбка едва прикрывала худые колени. Кроме того, старый резиновый пояс, поддерживавший чулки, ослаб, и Люське постоянно приходилось его поддегивать, что незаметно вошло у нее в привычку.

– Люся, – сказал ей как-то старшина из хозчасти. – Тебе нужен новый пояс с резинками, чтобы держались чулки.

– Где я его возьму, разве что с убитого немца, – рассмеялась Люська.

– Зачем с убитого, можно из парашютного шелка сделать. Там прорезиненные части есть – разведчики недавно из оврага притащили. Я Сеньку-портного попрошу, он мигом пояс сварганит. А то вернется Павлюк, а ты живот поддегиваешь – некрасиво.

Люська задумалась – и, правда, некрасиво. В том, что Павлюк вернется, она ни минуты не сомневалась. Вот только как скоро ему удастся найти свою часть?

Несмотря на нескладный вид, Люська вызывала всеобщее расположение. Ее любили за веселый нрав и готовность придти на помощь по первому зову. Медсанбатские девочки обычно не очень охотно стремились в полк, а Люську и просить было не нужно. Если кого-нибудь даже слегка царапнуло, она в любое время суток могла примчаться куда угодно, перепрыгивая прямо через траншеи, за что не раз получала нагоняй.

– Ну, где тут раненый? – весело спрашивала Люська, проворно раскладывая инструменты из огромной брезентовой сумки. – Сейчас будем его лечить, – добавляла она, широко улыбаясь. При этом у нее обнажались верхние десны, и казалось, она вот-вот расхохочется. Люська была по натуре смешливой девушкой и радовалась любой солдатской шутке.

Однажды после разведпоиска сквозное ранение в ногу получил сержант Павлюк.

– Отправим в медсанбат, – сказал командир взвода. – Фельдшер за медикаментами уехал.

– Сами перевяжем, – заявил Павлюк. – Нечего по пустякам в медсанбат соваться.

Но случилось так, что перевязку сделала Люська, которая как раз оказалась в полку. Павлюк на нее даже не взглянул ни разу. Прошло некоторое время, и рана стала гноиться. У Павлюка начался сильный жар.

На этот раз Люська приехала на дивизионном “виллисе”, с кучей трофейных лекарств, которые она выпросила у адъютанта командира дивизии. Уверенными неторопливыми движениями она стала обрабатывать рану.

– Ни к чему все это, незачем беспокоиться, – грубовато заметил Павлюк, но вскоре впал в беспамятство.

Люська терпеливо выхаживала Павлюка в течение недели. Когда жар спал, и рана перестала гноиться, она широко улыбнулась, обнажив десны, и сказала.

– Ну все, герой, теперь пойдешь на поправку. Раз в неделю будешь у фельдшера перевязку делать, а мне пора в медсанбат.

– Обожди, поговорить надо, – сказал Павлюк.

– О чем говорить, успеем еще. Меня в медсанбате раненые ждут, – рассмеялась Люська и убежала, перепрыгивая через траншеи.

– Слыхали, ребята, – сказал через некоторое время помкомвзвода, – Павлюк рапорт подал – просится в дивизионную разведроту. Видать, хочет к Люське поближе быть.

– Павлюк ростом не вышел – он Люське по плечо.

– Подумаешь, вопрос. Это Люська длинная, как жердь, а Павлюк парень что надо. Ничего не боится – на фрица хоть с ножом, хоть врукопашную пойдет.

Вскоре Павлюка и в самом деле перевели в разведроту. Целыми днями он был занят подготовкой к поиску, а по вечерам регулярно навещался в медсанбат. Поиск обернулся потерями. Разведчики попали в засаду, двое погибли, а Павлюка еле выта-

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

щили – его тяжело ранило в грудь и живот. Когда его увозили в госпиталь, он успел сказать:

– Вот что. Мы с Людмилой решили пожениться. Если ее кто-нибудь обидит – горло перережу. Я свою часть все равно догоню.

* * *

– Ну и как, догнал? – спросил Кнорин, который в то время уже служил в корпусе.

– Догнал, под самым Гомелем, – сказала Люська. – А потом еще раз догонял, когда в Пруссию вошли.

Люська умолкла, а Кнорину неловко было спросить, чем же закончилась вся эта история. Как будто угадав его мысли, Люська широко улыбнулась.

– Поженились, поженились сразу после войны и уехали к его родителям в Новороссийск. Только жить ему оставалось недолго, всего пять лет – он же весь израненный. Там и похоронили. И детей у нас не было. Я давно в Москву собиралась, а в этом году дорогу оплатили – вот и приехала. У подружки остановилась.

Люська неожиданно громко рассмеялась.

– Смотрите, товарищ лейтенант, наши подходят! Господи, неужели Баринов? А это кто – Семин? Помнишь, как я тебя лечила?

– Люська!!!